Олег Граничин (студент 1978-83; ныне д.ф.-м.н., профессор)

О стройотрядах матмеха 1980-х

Переезд факультета в Петергоф сломал многие традиционные формы комсомольской работы и студенческой жизни. Серьезно он повлиял и на организацию стройотрядов.

Как мне кажется, раньше стройотряды жили год-два — и все. Каждый год комитет ВЛКСМ подбирал новых руководителей, и они формировали новые стройотряды. Обычно все начиналось с отбора, первого собрания, придумывания названия, легенды и т.п. К началу 1980-х годов за университетом закрепили три основных направления стройотрядов: в Коми АССР университет формировал зональный стройотряд «Вычегда», в Ленобласти — районный стройотряд «Выборгский» и зональный стройотряд «Петродворцовый». В перечисленном порядке падала престижность места дислокации. Основное внимание всегда уделялось одному «элитному» стройотряду, который ехал в Коми АССР и в который был очень высокий конкурс. Но так как надо было «закрывать» все направления, то и на матмехе формировали отряды и в Выборгский район Ленобласти, и в Петродворец на строительство университета, но конкурсов в эти стройотряды обычно не было.

Так было сначала и в Петергофе. На первом курсе в 1979 году я как активный комсомолец, спортсмен-разрядник и т.п. подал заявление в элитный стройотряд «Эффект» (командир Андрей Слепцов), но безрезультатно. Удалось вместе с другими первокурсниками попасть в стройотряд «Гефест» (командир Саша Жданов, комиссар Марина Репинская и мастер Саша Каверко). Первоначально наш стройотряд хотели отправить в Ленобласть, но огромное желание руководителей поехать в Коми АССР победило, и мы оказались в селе Усть-Нем Усть-Куломского района на стройке средней школы, которую до нас уже несколько лет строили другие университетские стройотряды. Вернувшись повзрослевшими и возмужавшими домой, мы захотели поехать в стройотряд еще раз и, по возможности, тем же составом. Но такой традиции на факультете не было. Когда мы были на втором курсе, часть ребят из нашего стройотряда попала в новый «элитный» стройотряд «Дальний» (командир Николай Куфтырев, мастер Саша Евневич), а остальные собрались в новый стройотряд «Пересвет» (командир Дима Тукнов, комиссар Нина Щелчкова) в Ленинградскую область. Но к нашему ужасу этот стройотряд решили послать на строительство университета в Петродворце (ужасные условия жизни, организации работы, питания и почти без зарплаты). Чтобы «не попадать» всем, решили выделить из отряда часть (три человека: Миша Попов — комиссар, Ранедо-Сантьяго Марио — мастер и я), которая останется в Петродворце, а остальным дали возможность поехать в новое для факультета место — в Гдовский район Псковской области, где надо было обустраивать плацдарм для высадки осеннего десанта студентов на уборку картошки. Нам повезло, удалось набрать новый отряд, мы придумали новое название «Веста» (маленькая звезда на небе — символ надежды, точнее, четвертый по величине астероид), а вместо строительства университета мы оказались в ЗСО «Петродворцовый» (командир Ариф-Перели Оглы Шихвердиев, комиссар Альберт Степанов) на строительстве Дамбы, которая защит город от наводнений. Легенду тут же поправили, начав считать, что название «Веста» появилось в честь римской богини — покровительницы домашнего очага.

В результате переезда в Петергоф студенты матмеха и физфака стали активно общаться между собой, выросла здоровая конкуренция. Мы видели, что в организации стройотрядов у физиков нет многих наших проблем. Очень редко они создавали новые стройотряды, чаще всего студенты старались попасть в «Надежду», «Потенциал» и др., существовавшие с начала 1970-х годов, имевшие свои традиции (хорошие и плохие) и постоянные места дислокации. Создавая новый стройотряд, мы тоже хотели сделать его постоянным. Нам это удалось, как и нескольким другим стройотрядам. Такова была основная тенденция. Начиная с 1980-81 г. на факультете прекратилась чехарда с отрядами, появилась стабильность. И отряды стали год от года набираться опыта, связей и традиций. В 1983 году, когда я был секретарем комитета комсомола, у нас уже более 600 человек поехали летом в стройотряды, причем у каждого кандидата был достаточно широкий выбор возможностей (все стройотряды были разными). Больше других конкурировали и дольше всех сохранились стройотряды «Веста», «Антарес» и «Романтик». Вне конкуренции был педотряд «Сказка» (сначала он назывался «Светофор») и интерсельхозотряд «Амигос».

Мой стройотряд «Веста» после строительства ленинградской дамбы с 1981 года ездил только в Коми АССР (Усть-Локчим, Марте-ты, Визьябож, Вольский, Пузла, Шерь-яг, Озь-яг, а с 1984 года и до прекращения движения стройотрядов — поселок Тимшер Усть-Куломского района). Новым командирам не надо было «играть в рулетку» — повезет / не повезет. Опыт, традиции и связи позволяли минимизировать риски пролета, почти гарантировали студентам хорошее лето.

Постоянные стройотряды изменили и организацию комсомольской жизни. У комитета ВЛКСМ появилось несколько активных групп студентов, действующих круглый год. Коридор справа от аудитории 01 стал стройотрядовским. У всех отрядов появились постоянные круглогодичные стенды. Место так и не переехавшей в Петергоф стенгазеты «Матмех за неделю» в наглядной агитации заняли стенгазеты стройотрядов. Весной и осенью стали проводить фестивали ССО, на которых агитбригады состязались в остроумии и мастерстве подготовки шоу (представлений). Неудивительно, что с такой мощной социальной поддержкой в 1983 и 1984 годах наша комсомольская организация становилась лучшей в университете. Постоянные стройотряды повысили наш авторитет и в глазах университетского комитета ВЛКСМ. В середине 1980-х годов наши представители стали возглавлять самый престижный университетский зональный строительный отряд «Вычегда». В разное время в руководстве штаба «Вычегды» работали: Николай Кривулин, Андрей Небукин и я. Авторитет матмеховских стройотрядов был очень высок.

Во второй половине 1980-х годов изменения затронули и традиционно «недобровольные» осенние студенческие сельскохозяйственные отряды. Так сложилось, что до 1988 года я ездил только на стройки и ни разу не был «на картошке». Как ранее мне всегда везло со студенческими отрядами, так мне повезло и с отрядом на картошку. Я в 1988 году был назначен руководителем группы студентов вместе с Вадимом Сахаровым и Виктором Орловым. Мы в сентябре оказались в пос. Добручи Гдовского района Псковской области, недалеко от тех мест, где родился мой отец. Обычно студотряды на картошке отличались от стройотрядов студентов отсутствием энтузиазма на работе, тяжелыми бытовыми условиями и безденежьем. Так было и у нас первую неделю. Ребята приехали отрабатывать трудовую повинность. Но уже через неделю все стало по-другому. Бригады студентов соревнова-

лись между собой, стараясь собрать как можно больше картошки. Более того, наиболее активные из тогдашних младшекурсников, став студентами пятого курса, чуть не были отчислены с матмеха как не приступившие в сентябре к учебе из-за работы на уборке картошки (на которую они отправились совершенно добровольно). Что же изменилось, в чем нам повезло в 1988 году? Начались экономические реформы, и на уборке картошки разрешили натуроплату. Каждое десятое ведро картошки доставалось нам, дирекция совхоза помогла организовать доставку нашей картошки из Псковской области в Ленинград, где мы ее продавали около метро. Конечно, воспользоваться такой возможностью мы смогли, только проявив выработанную в стройотрядах предприимчивость. В 1990-е годы эта предприимчивость помогла многим создать свой бизнес, изменить страну, в которой мы живем. В 2006 году, работая в Высшей школе менеджмента СПбГУ, я опять встретился с некоторыми из студентов, которые были у нас в сельхозотряде. Они были успешными бизнесменами и активистами клуба выпускников ВШМ.

К сожалению, студенческие отряды ушли из молодежной среды вместе с комсомолом. У сегодняшних студентов нет таких возможностей по самоорганизации и ответственной работе в коллективе.

* * *

P.S. Прочитав этот текст, Давид Эпштейн задал мне интересный вопрос: *«Мне кажется, Вы обошли материальную сторону стройотрядов, совсем не упомянули о заработках. В наш период, до начала 1970-х, считалось хорошим заработком на стройках "чистыми" 300-500 руб. и более (не более 800, видимо). Но начинали мы в 1960-е годы с зарплат в 50-100-200 руб. чистыми за сезон. В 1970-е годы сумма подросла, как я понимаю, до 1500? А в 1980-е годы уже и до 3-5 тыс. Может быть, одной из причин перехода на постоянные отряды было стремление стабильно много зарабатывать? Если бы Вы также рассказали о применении КТУ* [*коэффициента трудового участия* — ред.] *в тот период, тоже было бы интересно. В наш период КТУ использовали осторожно. Сначала выставляли в целом за сезон решением коллектива. Позже стали выставлять ежедневно решением командира, но 0,9 или 1,1 были редки. А в конце — снова решением общего собрания. У командира, как правило, был оклад, но он шел во многих отрядах в общий котел, а командиру отряд выставлял КТУ по предложению штаба. А в Ваш период? А. Иванов в своем очерке пишет, что командир получал КТУ 1,5. А как было в Ваших отрядах?».*

Постараюсь осветить эти вопросы.

Статистика по зарплатам, приведенная Д. Эпштейном, соответствует и моим представлениям. Но в 1970-е годы это было верно для «элитных» стройотрядов. Мне кажется, каждый год таким был один отряд, причем иногда и он «пролетал». А к середине 1980-х стабильной средней зарплатой в 1000 руб. могли похвастаться несколько отрядов. Но такие зарплаты в стройотрядах были очень редкими для страны в целом, да и для Университета.

В первый стройотряд я угодил сразу после поступления на матмех. В 1978 году впервые вступительные экзамены сделали в июле, что дало возможность отправить нас в августе на стройку. Распределение по бригадам почти совпало с последующим распределением по группам, так что мы перезнакомились еще до начала учебы. Бригадирами были аспиранты факультета. Нам повезло работать с Андреем Барабановым на строительстве столовой, сейчас известной как «Мавзолей».

Зарплату нам выплатили после окончания работ в кассе УНР-22 в Старом Петергофе. Она была фиксированная — без КТУ, одинаковая для всех — 1 руб. в день. После вычета 65 коп. в день за обеды, на руки «чистыми» я получил за 14 рабочих дней 4 руб. 90 коп. ЭТО была типичная ситуация. Но для меня это была первая зарплата, мои первые деньги, я им очень радовался. До этого на работах в колхозах и совхозах вообще ничего не платили. Слова руководителя стройки XIX века из поэмы Н.А. Некрасова: «*Бочку рабочим вина выставляю и недоимку дарю*» — были как раз про многие стройотряды последней четверти XX века. В стройотряды ездили «за туманом и за запахом тайги», «за бардовскими песнями у костра» и т.п.

Мне кажется, низкие зарплаты в стройотрядах — типичная массовая практика как в 1960-70-е годы, так и в 1980-е. Страна жила по планам, сметам, нормам и т.п. Зарплаты в строительстве в среднем были невысокие. Одним из действенных способов для руководителей было повышение среднесписочной численности работников за счет привлечения стройотрядов. Во всей стране и в стройотрядах вспоминали другое великое произведение XIX века — «Мертвые души» — и дописывали в него новые главы. Многие руководители строек считали, что студентам можно почти не платить, а их большая численность позволяла маневрировать с зарплатой основных работников. ЦК ВЛКСМ получал на свой счет 1% от общего объема строительно-монтажных работ (СМР), освоенных стройотрядами. Для всех руководителей стройотрядов было выгодно максимально завысить эти цифры, по которым подводились итоги соцсоревнования. Ради получения студотрядов в будущем строители шли на то, что в объем СМР включали все свои работы, которых хотя бы чуть-чуть касались студенты. В итоге часто получалось: стройотряд — победитель, но студенты без зарплаты. В 1978 году на строительстве университета работал матмеховский стройотрядом с типичным названием «Интеграл». Из года в год правила набора в этот отряд были: общежитие в Ленинграде на лето, поселение в общежитие на следующий учебный год, стипендия со всеми тройками и т.п. О зарплате почти не заикались. «Интрига» была только в том, попадет ли этот стройотряд в общестроительное УНР-22 или в отделочное УНР-65. Наш первый стройотряд «Веста» в 1980 году должен был продолжить традицию «Интеграла». Но нам повезло «перескочить» со строительства университета на дамбу и в дальнейшем закрепить успех. Больше никогда наши стройотряды не работали в УНР-22 или УНР-65.

В 1979 году зарплата первокурсников из нашего отряда «Гефест» в Коми АССР была 500-700 рублей «чистыми». В конце этого стройотряда я узнал, что такое КТУ. На общем собрании перед отъездом домой сначала утверждался возможный диапазон КТУ, а потом по каждому индивидуально общее собрание голосовало за предложенный штабом коэффициент. Диапазон был установлен от 0,7 до 1,3 (может быть, до 1,5). По нижней границе получили КТУ включенные в отряд трудновоспитуемые подростки. У первокурсников КТУ фактически варьировался от 0,9 до 1,1. Распределение зарплаты между членами отряда производилось с учетом КТУ и отработанного каждым количества дней. Вся выручка складывалась «в общий котел», из которого вычитались все затраты. По каждому человеку количество трудодней умножалось на его КТУ, и эти результаты складывались по всем членам стройотряда, давая в итоге общее количество скорректированных человеко-дней. Потом естественным образом высчитывалась зарплата за один скорректированный трудодень, которая и была основой для расчета каждому суммы к выдаче.

Позже я узнал об инструкции центрального штаба о размерах КТУ и правилах начисления зарплаты. Допустимый диапазон был от 1,0 до 1,3, а для освобожденных руководителей от 1,0 до 1,1. Каждый получал тарифную зарплату, освобожденные руководители — ставки, а превышение общего фонда зарплаты делилось между всеми по КТУ. В наших факультетских стройотрядах традиционно нарушали как нижний диапазон, так и верхний диапазон для руководителей. Споры о нижнем диапазоне ниже 1,0 оставим психологам: многие коэффициент ниже 1,0 воспринимали как оскорбление своего достоинства и в дальнейшем «комплексовали» из-за этого. Причину ограничения верхней планки руководителей никто не понимал. Как правило, руководители работали больше и эффективнее других. За что их «обижали» с зарплатой? Я думаю, что это один из «пережитков» системы, когда единые общие жесткие правила применялись ко всем стройотрядам в стране. Большинство стройотрядов «пролетало», студенты винили в этом тех руководителей, кто был ближе к ним. Нижняя планка КТУ 1,0 защищала командиров таких отрядов от резко негативной оценки со стороны общего собрания. Тарифная зарплата бойцов составляла 3-4 рубля в день, т.е. 70-80 руб. в месяц. Затраты на питание 1-2 рубля в день, т.е. в итоге 20-50 рублей в месяц на руки. У освобожденных руководителей ставки были по 135-150 рублей, что хоть как-то компенсировало потраченное на стройотряд время отпуска. Дать право увеличивать КТУ руководителям более 1,1 было бы не верно, так как послужило бы еще одним основанием для злоупотреблений и снижения зарплаты бойцов.

Почему в наших стройотрядах нарушали инструкцию центрального штаба о максимальном размере КТУ? Наверное, так исторически сложилось, что общие собрания бойцов из года в год ее нарушали. Обычно у наших стройотрядов были дополнительные источники доходов за «неосновные» работы. Например, в 1980 году в выходные наши девушки продавали мороженое в Нижнем парке Петергофа, в 1984 году мы в поселке подрабатывали «авральной» командой: «за наличку» чистили колодцы, копали могилы, работали ассенизаторами, разгружали баржи по ночам на пристани в соседнем селе... Все деньги шли в общий котел. Руководители не сидели 8 часов в офисе, а работали почти круглосуточно вместе со всеми. Дополнительные деньги позволяли поднять зарплату и руководителям. Открытым оставался вопрос — до какого уровня? Я в своих стройотрядах старался придерживаться диапазонов из инструкции. По крайней мере, удавалось основную зарплату «по бумагам» оформить точно по инструкции, а «нарушения» компенсировались из дополнительных доходов. Утверждение Саши Иванова о КТУ командира 1,5 — ошибочно. Наверное, он, как и я после первого стройотряда, забыл, что было на собрании.

Было ли одной из причин перехода на постоянные отряды стремление стабильно много зарабатывать? Думаю, что «да» — и одной из основных. Но, принимая обвинения в нашем чрезмерном меркантилизме, я «из первых уст» пытаюсь рассказать о зарплатах в наших стройотрядах и наших иллюзиях.

В 1978 году в Петергофе я заработал около 5 рублей, через два года бойцы нашего стройотряда «Веста» в ЗСО «Петродворцовый» заработали по 250-500 рублей за лето и смогли продлить жизнь нашего стройотряда. В тот год многие из студентов «пролетели» в Коми АССР. Еще через четыре года, в 1984 году, мой последний стройотряд при средней численности 30 человек построил/отремонтировал за лето 60 объектов и заработал 60 тыс. рублей.

В середине 1980-х я считал переход на постоянные отряды достижением. Так ли я оцениваю это процесс сейчас? Наверное, надо было «закрыть» мой стройотряд после 1984 года. Стройотряд должен жить, пока его организаторы учатся на факультете. Потом все «наработки», связи и традиции переходили в «шабашки», которые по нескольку лет после окончания университета ездили в те же самые места на заработки и сильно мешали реализоваться новым стройотрядам. Как комсомольский руководитель я был противником «шабашек».

Чем в 1984 году наш стройотряд отличался от типичной шабашки? В составе отряда было много новичков, и распределение денег было почти поровну, почти в соответствии с инструкцией центрального штаба. Я был руководителем, отработал 2,5 месяца, мне на собрании поставили максимальный КТУ 1,3, и я в итоге получил чуть более 2,5 тыс. руб. «чистыми» (после вычетов за еду и взносы в различные фонды). (Формально я не был устроен на освобожденную ставку руководителя и имел право получить КТУ как боец.) Все получили зарплату прямо на месте, перед посадкой в самолеты. Для этого нам пришлось даже отправить обратно пустыми три самолета, прилетевшие за нами раньше времени. Раньше я слышал, что так было в стройотряде «Кронверк» у Владимира Энгельгарта, и мы старались учиться у лучших командиров. «Большие» зарплаты объяснимы: они эквивалентны зарплатам строителей-профессионалов. У нас была высочайшая квалификация в плотницких и бетонных работах, плюс университетское образование, рационализаторство, изобретательность. Высококвалифицированные рабочие-строители получали зарплату около 300 рублей в месяц (зарплата доцента вроде бы была 380 рублей). По косыгинскому Постановлению 1972 года стройотряды могли получать коэффициент 1,25 (за снижение нормы выработки на 20%), применение аккордно-премиальной системы давало еще 40%, плюс освобождение от подоходного налога. За работу на Севере полагался северный коэффициент 1,2. Получаем 630 рублей. Еще коэффициент 2,0 получается за счет работы по 12 часов и без выходных.

В стройотряде было три «трудновоспитуемых» подростка из Ломоносовского ПТУ. Конечно, их послали в стройотряд принудительно, работать они не хотели и не собирались. Как только они начали «сачковать», мы их сняли с объекта и объяснили, что за питание все равно вычтем, а зарплату будем платить только за те дни, что они будут нормально работать. Ребята начали работать. Один из них, Николай Орлов, получил за далеко не полные два месяца существенно больше 1000 рублей «чистыми». Осенью меня через партком нашла капитан милиции, инспектор по делам несовершеннолетних из Ломоносова. Мне предъявили претензию, что мы обманули подростка: Николай пожаловался, что получил денег меньше других бойцов. Когда я назвал инспектору точную сумму, выданную ему по ведомости, она смогла только извиниться и повесила трубку. Выполнил ли этот стройотряд воспитательную функцию, сделал ли Николая лучше? Не знаю. Не только ему, но и студентам-первокурсникам трудно было «понять», за что и сколько они получили денег.

Создав постоянные стройотряды, мы «сняли» проблемы безденежья и «пролетов». Но вместе с тем мы отняли у молодых ребят возможность вырасти самим. Наш стройотряд 1984 года был итогом поездок 1978-83 годов, пролетов и неудач, испорченных ранее стройматериалов и разных испробованных методов организации работ. В «постоянных» стройотрядах новые ребята попадали в «тепличные» условия и не понимали, что за них много проблем уже решено предшественниками.

Олег Граничин (студент 1978-83; ныне д.ф.-м.н., профессор)

Комсомол матмеха начала 1980-х

Я поступил на матмех в 1978 году, во многом благодаря случаю: с того года на матмех и физфак начали принимать экзамены на месяц раньше (в июле), чем на другие факультеты. За два года до того я и не собирался поступать в Университет и почти ничего о нем не знал. Все изменила учеба в 239 школе и, в большей степени, существовавшая тогда система «научной работы» школьников под руководством университетских преподавателей, в которую я «окунулся» с подачи своего учителя математики Владимира Васильевича Бакрылова. На кафедре экономической кибернетики мне повезло тогда встретиться с Леонидом Михайловичем Абрамовым… Но на экономическом факультете вступительные экзамены были в августе, и я оказался на матмехе. При поступлении я в первый раз столкнулся с дискриминацией по национальному признаку. Устный экзамен по физике вместе со мной сдавал мой одноклассник Юра Шнеерсон. «Краем уха» я слушал, о чем его спрашивали, и был поражен глубиной его знаний. Единственная ошибка, которую он допустил в ответе, была в том, что он не учел потерю энергии на образование стоячей волны в одном из двух столкнувшихся цилиндров. К счастью, у преподавателей хватило совести поставить Юре тройку, а не «вынести», как остальных.

Еще мне повезло в том, что в 1978 году матмех еще находился на 10-й линии В.О. Для нас даже поступление в «Корабелку» (ЛКИ), которая построила учебные корпуса на Ленинском проспекте, казалось неприемлемым. Обещания переезда в Петергоф казались нереальными, мне и в голову не приходило, где мы окажемся через полгода. Для меня учеба разделилась на два этапа — до и после переезда. На старом матмехе были интересные смешанные кружки для студентов разных курсов, начинавшиеся с семи часов вечера, вокруг была вся городская инфраструктура — до пятого курса среди студентов ходили воспоминания о пивном ларьке на углу Среднего и 11-й линии, о встречах в очередях с преподавателями и т.п.

Живая студенческая жизнь в Петергофе для меня началась со «Дня Физика» на втором курсе в 1980 году: тонкий юмор за гранью разрешенного, КВН, свободные вопросы и ответы — все поражало в окружении обстановки подавления свободо- и инакомыслия, даже не протеста, а элементарного самовыражения. До сих пор в памяти всплывают фрагменты услышанного. Сейчас мне трудно объяснить своим детям, что было такого в вопросе одной из команд: «Что будет, если Китай переплюнет Японию?»[1]. Ответ другой команды: «Вся Америка будет ходить оплеванной» — вызвал восторг всего зала.

Для моего курса первый семестр учебы в Петергофе оказался удивительным по фантазии руководства и новым формам учебного процесса. У нас на курсе было три потока по четыре группы в каждом. Семестр — четыре месяца. Магия цифр подсказала решение. Каждый месяц одна из групп в каждом потоке назначалась «дежурной». Ребята каждый день приезжали в Петергоф, на занятия не ходили, а работали под руководством аспирантов на университетской хоззоне, помогая комплектовать мебель для аудиторий и т. п. Конспекты за этот месяц надо было переписывать у студентов из других групп потока.

---

[1] Китай был отсталой страной, с которой бывали вооруженные конфликты, но об этом нельзя было говорить. Китай — страна социалистического лагеря, критиковать ее было нельзя.

После первого курса для меня открылось новое измерение студенческой жизни — стройотряды, в которые я в итоге ездил десять раз — от рядового бойца до командира зоны «Вычегда», и летом, и один раз зимой.

На третьем курсе в конце 1980 года я первый раз попал в комитет комсомола факультета. На физфаке в то время были долговременные стройотряды, которые уже жили по 7-9 лет, обновляя состав вокруг постоянного ядра. У нас традиционно собирался на весь факультет один сильный стройотряд из «закаленных» бойцов, а остальные обычно «рождались» с нуля. Попасть в такой стройотряд и не «пролететь» — было рулеткой. Отряду новичков добиться успеха можно было только при очень высокой степени везения. Возглавив в комитете комсомола штаб строек факультета, я с единомышленниками постарался привить культуру «постоянных ССО» и на нашем факультете. Один из них — педагогический — жив до сих пор. Каждое лето по 600 студентов из 1500 матмеховцев добровольно выезжали в стройотряды. Степень нашей студенческой самоорганизации сегодняшним студентам представить невозможно. В 18-19 лет нам доверяли самостоятельно организовывать свою жизнь и производство, не дублируя и не опекая по мелочам. Через такие стройотряды удалось оживить культмассовую работу и раскрепостить студенческое сообщество. Два раза в год мы стали проводить фестивали ССО, в которых стремились догнать по уровню физиков.

На пятом курсе, в конце 1982 года я опять попал в комитет комсомола, но уже секретарем и на два года. Уже была широкая база активистов, опираясь на которую можно было «встряхнуть» и оживить студенческую жизнь. Тем более, что и по всей стране «повеял ветер перемен»[2]. На несколько лет мы по показателям общественно-политической активности догнали и обогнали физиков, наши Дни Матмеха стали интереснее. Долгое время в студенческой среде ходили легенды о «Крестном ходе от платформы до факультета в день открытия Недели Матмеха»[1] и о «скользких» дорожных знаках, установленных в наших длинных коридорах. Мне кажется, что эти годы стали переломными в признании студентами Петергофа как родного, и не только потому, что вместе со мной закончили факультет последние из учившихся на старом матмехе. В серых стенах с длинными коридорами начала «кипеть» жизнь.

---

[2] В конце 1982 года умер Л.И. Брежнев; в апреле 1985 года объявлена «перестройка» — *ред.*

[1] Подробности — в воспоминаниях П. Долженкова и Н. Тихомировой в данном сборнике — *ред.*

Олег Граничин (студент 1978-83; ныне профессор):
Герой нашего времени (об Энгельгарте и комсомоле начала 1980-х)

В первый раз я услышал об Энгельгарте в песнях студенческого фольклора на вечеринках моей группы из уст иногородних ребят. Тогда Владимир Николаевич был заместителем декана по работе в общежитии.

В конце первого курса мне повезло попасть в стройотряд, который собирали два третьекурсника: Саша Жданов и Саша Каверко. Они ранее работали в стройотряде «Кронверк» под руководством В.Н. Энгельгарта. Их воспоминаниями для нас на несколько лет вперед была «задана планка»: каким должен быть идеальный стройотряд. И дело не только в заработанной ими тысяче рублей в месяц, а в понимании «силы» организации систематической работы, когда в итоге все получают прямо на борту возвращающегося домой самолета большую зарплату за реально построенные или отремонтированные объекты. Для меня тогда Энгельгарт стал легендой, я и не думал, что скоро познакомлюсь с ним лично и даже буду работать под его руководством.

В начале 1980-х годов В.Н. Энгельгарт был членом партбюро факультета, в котором отвечал за организацию работы с молодежью. Мне это четко показало высокую роль стройотрядов в тогдашней комсомольской жизни факультета и, как ни странно, дало неожиданное представление о положительной роли партбюро в организации студенческого самоуправления. Всех кандидатов на должности командиров и комиссаров стройотрядов неформально обсуждали на партбюро и фактически включали в список кадрового резерва факультета. Вместе с Михаилом Поповым и Ранедо-Сантьяго Марио мы, второкурсники, захотели создать стройотряд, который попробует «подпрыгнуть» до уровня энгельгартовского «Кронверка». Для моего комиссара Миши Попова Владимир Николаевич стал чуть ли не идолом, на которого он мог постоянно молиться. Миша пошел на его кафедру и стал заниматься научной работой под его руководством, записался в самодеятельный театр «Скворечник» в ДК им. С.М. Кирова, руководителем которого также был В.Н. Энгельгарт.

Конечно, за два года нам не удалось даже близко подступиться к намеченной цели, но стройотряд «Веста» мы создали, и он начал жить своей жизнью. Для выживания нового стройотряда самым тяжелым периодом было время, когда руководители учились на четвертом курсе. На половину лета мы должны были поехать на военные сборы. Но, уже повзрослев и немножко «обнаглев», мы решили прямо обратиться к Владимиру Николаевичу с просьбой возглавить в том 1982 году наш стройотряд, так как к тому времени прошли перевыборы состава партбюро и в новом его составе места В.Н. Энгельгарту не нашлось. Для нашего стройотряда этот год стал серьезной ступенькой к достижению идеала. Что еще было важно в системе Энгельгарта — демократизм. Особенно для меня. Хорошо это или плохо, я до сих пор для себя окончательно не решил, но старался и сам потом, идя по жизни, его последовательно выдерживать. Мы работали под руководством Энгельгарта в рамках его системы. После этого мы были вполне готовы и сами «превзойти» ранее созданный в уме идеал (как это обычно и бывает). В том же году осенью, на пятом курсе, мне предложили вступить в партию. Идущему по жизни под лозунгами «Свободы, Равенства и Братства», мне было большой честью получить рекомендации от зрелого профессора — своего научного руководителя Владимира Николаевича Фомина и от младшего научного сотрудника Владимира Николаевича Энгель-

гарта, который уже находился тогда в некоторой «опале». Молодой талантливый ученый в середине восьмидесятых вообще был вынужден уйти с факультета все с той же должности младшего научного сотрудника.

Молодой возраст и достаточно идеализированные представления о внешнем мире не позволяли нам тогда видеть, что в общественной системе в целом накопились такие серьезные противоречия, что отдельно взятая система Энгельгарта не могла что-то изменить глобально. На самом деле (сейчас я это хорошо понимаю), Владимир Николаевич — яркий представитель типичной для России прослойки «лишних людей», хорошо описанных в нашей классической литературе XIX века. Но, к счастью, в нашей стране с конца восьмидесятых началось десятилетие, в котором умные, инициативные и предприимчивые люди могли себя реализовать. В 1993 году многие уже знали растущую строительную фирму «Виадук», которой руководил В.Н. Энгельгарт. Мне удалось опять встретиться с ним в их офисе в полуподвальном помещении на улице Розенштейна. Я только что получил патент на изобретение строгально-пильного станка и иллюзорно надеялся, что в стране возможно наладить производство новых отечественных станков. Владимир Николаевич тепло меня встретил, много расспрашивал об успехах и т.п., но утопичность моих идей понял сразу и в «мягкой» форме попытался «остудить» мой порыв.

К концу 1990-х годов строительная фирма «Виадук» была уже крупным игроком Санкт-Петербургского рынка недвижимости, занимая значительную нишу в строительстве недорого жилья. Изменение ситуации в стране опять сделало Энгельгарта и его фирму лишними в условиях возросшей монополизации в строительстве.

В последний раз я встретился с Владимиром Николаевичем весной 2006 года, когда он формировал дирекцию наукограда Петергоф. Для меня критическим вопросом был подбор кандидатуры на должность заместителя директора по строительству. Он представлял собой идеальную кандидатуру. Но мы сидели в кафе, разговаривали и оба понимали, что ничего не получится. Я продолжал иллюзорно придерживаться правил игры, навязанных Правительством Санкт-Петербурга...

Жизнь Владимира Николаевича показывала всем, что есть альтернатива обыденной «жизни по течению», установленной кем-то из системы, что люди могут создавать свои системы и менять мир.